

Л. А. Садова

**Отмена «Таможенной конвенции»
(Mellomrikslov) в 1895 г.:
восприятие современников и влияние
на шведско-норвежскую унию**

Шведско-норвежская уния объединяла две страны не только политически, но и экономически. О степени этого единения в области экономики по сей день ведутся споры среди норвежских и шведских историков. К рубежу XIX–XX вв. одной из формальных причин, на которую ссылалось радикальное крыло норвежских либералов в борьбе за самостоятельность Норвегии, была как раз разница в векторах экономического развития двух союзных государств, в том числе в области таможенного обложения. В то время как Швеция выбрала путь протекционистской политики, Норвегия оставалась верна принципам фритредерства. Сложившаяся ситуация порождала в норвежских политических кругах ощущение, что шведско-норвежская уния лишь тормозит дальнейшее развитие страны, а Швеция — препятствие на этом пути. Решение риксдага о расторжении в 1895 г. «таможенной конвенции» воспринималось норвежским обществом как целенаправленная акция шведских властей против Норвегии, вызванная не реальными потребностями экономики, а обострившимися отношениями между двумя странами в ходе шведско-норвежского конфликта. Эта точка зрения нашла отражение и в современной норвежской историографии — отмена Mellomrikslov рассматривается как один из этапов шведско-норвежского кризиса, обострившегося именно в 1895 г.

Другой вопрос, который интересует исследователей, — это степень влияния унии на экономику двух стран.

Сложно сказать, имела ли уния какое-либо серьезное значение для экономического объединения Швеции и Норвегии. Внутри каждой из сторон проводилась политика национальной консолидации, были свои законы, регулировавшие экономику, формировалась своя экономическая инфраструктура в национальных рамках. Возможно, совокупность факторов в долгосрочной перспективе могла в значительной степени ослабить унию. В то же время между странами существовало и развивалось тесное экономическое сотрудничество.

История складывания общего рынка уходит своими корнями еще к началу XIX в., времени сразу после заключения шведско-норвежской унии. С укреплением государств происходила либерализация экономических отношений между Швецией и Норвегией. Таможенные ограничения были сняты, расширена свобода передвижения людей и капитала через национальные границы, введена стандартизированная европейская денежная система с фиксированными обменными курсами. Результатом стало укрепление и развитие шведско-норвежской торговли и экономического сотрудничества, независимо от того, были Швеция и Норвегия связаны унией или нет. С 1820-х гг. действовали взаимные таможенные льготы при трансграничных перевозках шведских и норвежских товаров по суше или по морю¹.

По мнению норвежского историка Даниельсена, уния, вероятно, значила для Норвегии в экономическом плане меньше, чем в политическом. А экономический рост страны и сближение в таможенной политике со Швецией совпали отчасти с либерализацией международной экономики в целом².

Именно в 1820–1850-е гг. был заложен фундамент для дальнейшего расширения норвежского судоходства, которое выделяется в отдельное направление норвежской экономики и начинает свою экспансию. Фрахтовые услуги, которые предоставляла Норвегия по всему миру, сделала ее одним из лидеров в данной области. Отправной точкой послужила перевозка шведского леса, и особенно резко возроставшего экспорта из Балтийского моря. В основе этой динамики лежал накопленный за предыдущее время опыт экспорта норвежского леса: на малых скоростях, с меньшими экипажами, чем у шведов и меньшей, соответственно, стоимостью предоставляемых услуг. В 1826 г. было заключено с Великобританией соглашение о наибольшем благоприятствовании, согласно которому шведско-норвежские корабли были уравнены в правах с английскими в области перевозок товаров из Соединенных Королевств в Великобританию. А тот факт, что последняя рассматривала Норвегию и Швецию как единое государство, стал предпосылкой того, что норвежцы стали перевозить шведскую древесину на своих кораблях. Со временем Норвегия стала одним из ведущих морских грузоперевозчиков для других стран. И в этом смысле транспортировка шведской древесины сыграла немалую роль³.

Швеция и Норвегия выступали как единое целое и с точки зрения взаимных прав их граждан. В обоих государствах существовали значительные ограничения прав иностранцев, к примеру, на приобретение недвижимости. Однако на законодательном уровне права граждан партнера по унии были практически схожими с правами собственных граждан. В Швеции, например, в праве на ведение бизнеса на территории страны и на приобретение недвижимости, практически недоступном для иностранцев, норвежцы не попадали под категорию последних. Формально это было установлено королевским указом от 4 июля 1868 г. Шведы также приравнивались в своих правах к норвежцам на территории Норвегии. Такое положение дел в корне противоречило политике национальной консолидации, проходившей в обеих странах, но особенно в Норвегии. Ряд представителей крупного бизнеса Соединенных Королевств были тесно связаны друг с другом. Примером являются учреждения норвежских лесозаготовителей в Швеции, существовавшие примерно с 1860 г., а также участие шведов в приобретении и развитии норвежской гидроэнергетики на рубеже XIX–XX вв. Норвежские лесозаготовители сыграли немаловажную роль в развитии лесопильного производства шведской области Норрланда и в экспорте шведской древесины в целом⁴.

Серьезной вехой в экономическом сотрудничестве двух стран стало заключение в 1874 г. «Таможенной конвенции» (Mellomrikslov), пересмотр которой состоялся по инициативе Швеции. Переговоры велись еще с 1868 г. Пересмотр таможенных ставок был вызван развитием железнодорожного сообщения между двумя странами. Исчезла необходимость в различии между таможенными пошлинами на товары, перевозимые по суше, и товары, перевозимые морем, закрепленная законодательно еще с 1825 г. Норвежская промышленность к 1870-м гг., особенно текстильная, значительно укрепила свое положение и стремилась к освоению новых рынков, прежде всего ближайшего, шведского. В свою очередь шведские промышленники стремились к расширению своих позиций на внутреннем рынке Норвегии. В то время господствовала идеология свободной торговли, поэтому предполагаемый пересмотр должен был расширить свободную торговлю между двумя королевствами⁵. Предшествовавшие годы, между 1850 и 1870 гг., считались счастливыми годами унии. Политические круги Соединенных Королевств выражали интересы капитала и были заинтересованы в модернизации государства и общества. Политика премьер-министров Ф. Станга в Норвегии и Л. де Гера в Швеции способствовала сближению двух стран в рамках шведско-норвежской унии в области таможенной политики с целью развития торговли между королевствами⁶. Король со своей стороны также выступал за большее экономическое сближение, рассчитывая, что либеральная таможенная политика, строительство единой системы железнодорожного сообщения и валютный союз крепче свяжут королевства вместе⁷.

Стоит отметить, что внутри норвежских политических и промышленных кругов предложение шведов об установлении значительных таможенных льгот

для товаров национального производства вызвало неоднозначную реакцию. Представители сырьевых отраслей в союзе с городскими радикалами выступали за национальный суверенитет и предостерегали от еще большего сближения со Швецией в рамках унии, которое было заклеено как «продажа Норвегии». С другой стороны, насущные задачи, которые ставили перед правительством стремительно развивающиеся отрасли экономики (судоходство и промышленность), требовали расширения рынка — гаранта экономической и политической национальной стабильности, и отказ от шведских предложений по введению льготных таможенных ставок на национальные товары стал бы в данном случае тормозом на пути роста благосостояния Норвегии⁸.

Результатом переговоров стал полный беспошлинный режим для транспортировки большинства экспортно-импортных товаров национального производства, прежде всего для всех изделий из шерсти и хлопка на внутреннем рынке Соединенных Королевств. Для этих продуктов, можно сказать, был создан общий шведско-норвежский рынок. Предоставленные льготы оказали существенную поддержку развитию норвежских фабрик шерстяных и хлопчатобумажных изделий. И, несмотря на то что с 1880-х гг. в шведской экономике наметился поворот в сторону протекционизма и баланс экспорта/импорта хлопчатобумажными изделиями сместился не в пользу Норвегии, выгода от «таможенного союза» признавалась существенной обеими сторонами⁹. Важно отметить, что заключение конвенции не отменяло наличия различных внешних тарифов у Швеции и Норвегии.

Шведско-норвежское сотрудничество в области таможенного обложения столкнулось с рядом трудностей. Главной сложностью стало то, что Норвегия имела более низкие тарифы для импортных заграничных товаров, чем Швеция. Таким образом, текстильные товары ввозились в Норвегию по низким тарифам и подвергались там минимальной переработке (например, окрашиванию или отбеливанию), получали сертификаты изделий, произведенных в Норвегии, а затем реэкспортировались в Швецию уже под видом норвежских товаров, что способствовало росту конкуренции на шведском внутреннем рынке с текстильной продукцией местного производства. Импорт текстильной производственной техники в Норвегию также облагался более низкими таможенными пошлинами, чем аналогичные агрегаты в Швеции. Стало очевидно, что проведение одинаковой таможенной политики, которая стала бы основой крепкого сотрудничества, невозможно в долгосрочной перспективе. Успехи норвежцев в экспортно-импортных операциях продукцией текстильной промышленности, нарастающая протекционистская волна в Швеции и рост конкуренции между союзными государствами из-за разницы ставок таможенных пошлин на импортную продукцию в конечном итоге привели к тому, что в Швеции стали раздаваться голоса за отмену Mellomrikslov¹⁰. Значительная часть норвежской политической и промышленной элиты находилась под влиянием преобладающих течений экономической мысли и являлась сторонниками либерализма в эко-

номике. Большая часть развивающейся норвежской промышленности находилась в зависимости от импортного сырья, и для нее было важнее добиться низких тарифов на его ввоз, чем вводить протекционистские пошлины на готовую продукцию¹¹. По мнению историка Лунда, фритредерская политика обеспечила развитие норвежской экономики и адаптацию норвежского бизнеса к «широкому контексту мировой экономики»¹². Шведская же таможенная политика все больше отходила от принципов, на которых был построен Mellomrikslov, двигаясь в сторону протекционизма, окончательно перейдя на новый формат в 1888 г.¹³

К 1890 г. вопрос о пересмотре таможенных отношений двух стран вновь был поднят шведскими властями. Переговоры были непростыми, особенно на фоне агитации радикальной части Венстре за расширение самостоятельности Норвегии в рамках унии. Несмотря на недовольство шведских предпринимателей «таможенным актом» 1874 г., приносящим выгоду, по их мнению, лишь Норвегии, правительство Швеции опасалось, что пересмотр таможенных пошлин и отмена закона принесет выгоду политике норвежских «радикалов» и осложнит непростые отношения двух стран. На заключительном этапе переговоров в 1890 г. премьер-министр Норвегии Э. Станг поручил министру Норвегии в Стокгольме Г. Граму дать понять шведам, что судьба «таможенного акта» может оказать значительное воздействие на норвежское общественное мнение и вызвать рост недовольства унией как таковой. Он намекал, что, если что-то пойдет не так, то дни «правого» министерства могут быть сочтены и «многое рухнет». Закон 1874 г. использовался норвежским кабинетом как средство давления на шведов для сохранения существующих преимуществ таможенной политики, а также как фактор сохранения лояльности норвежского общества по отношению к унии. «Если Mellomrikslov падет, политические последствия будут не меньше экономических», — говорил Станг¹⁴.

Экономические разногласия между двумя странами в 1890-е гг. нередко получали политическое звучание, что свидетельствует о кризисе шведско-норвежских отношений в указанный период. Развернувшаяся с 1891 г. борьба норвежского радикального правительства Ю. Стеена, пришедшего в это время к власти, за отдельную самостоятельную консульскую службу, так называемый «консульский вопрос», отразился в том числе и на торговых отношениях между двумя странами. Совместная дипломатическая служба Норвегии и Швеции, где все рычаги управления были сосредоточены в шведском МИДе, способствовала тому, что две страны стали рассматриваться на международной арене как единое целое, не проводя границу между дипломатическими представителями по национальному признаку. Знак унии на коммерческом и национальном флаге Соединенных Королевств выступал в том числе как символ единства страны¹⁵. Однако растущая разница в векторах экономического развития Швеции и Норвегии, в том числе и в области налогообложения, все чаще способствовала возникновению различных спорных ситуаций и росту

недовольства среди общественных, политических и коммерческих кругов обеих стран. Норвежская сторона утверждала, что совместная система консульств благоприятствует шведскому экспорту, так как большая часть консульских представителей за рубежом были шведами по национальности, и что для продвижения норвежской внешней торговли требуется отдельная самостоятельная норвежская консульская служба. Когда швед был назначен генеральным консулом в Лондоне в 1899 г., то норвежские деловые круги отреагировали крайне отрицательно, в том числе потому, что Великобритания была одним из ключевых торговых партнеров Норвегии. Историки затрудняются дать однозначный ответ на вопрос, действительно ли коммерческие интересы Норвегии за рубежом ущемлялись со стороны дипломатического корпуса, по национальности преимущественно шведского. Бесспорно, что «консульский вопрос» использовался норвежской властью как веский аргумент в политической борьбе за национальное самоопределение Норвегии¹⁶.

В феврале 1894 г. вспыхнул конфликт, вызванный карантинными санкциями на ввоз шведского скота, принятыми стортингом еще в 1892 г., ввиду его болезни. На просьбу шведского правительства отменить запрет норвежское ответило отказом, ссылаясь на значительный ущерб торговле страны из-за отсутствия в Швеции должной организации ветеринарной службы. В ответ министр внутренних дел Швеции заявил, что в таком случае введение карантина Норвегией является нарушением торговых соглашений, заключенных в 1890 г., по которым устанавливался прямой беспошлинный товарообмен между Соединенными Королевствами. Шведский министр внутренних дел считал, что «сохранение карантинных стеснений, не оправдываемых санитарным состоянием Швеции, составляет прямое нарушение таможенной конвенции... что ни одно из королевств не имеет права ради собственных интересов ограничивать торговлю другого королевства и что образ действий Норвегии подает повод к возбуждению вопроса о целесообразности самого соглашения 1890 г.»¹⁷. Российский дипломатический представитель рассматривал выступление шведского министра как угрозу Норвегии и предполагал, что «перспектива потери существенных выгод заставит норвежцев изменить решение»¹⁸. Выход из трудного положения был найден летом 1894 г. принятием в Швеции нового ветеринарного устава.

В 1895 г. вспыхнул очередной острый конфликт между Швецией и Норвегией, спровоцированный министерским кризисом — когда норвежский радикальный кабинет ушел в отставку и попытки короля договориться с его членами о возобновлении работы оказались безуспешными. Формирование нового кабинета также оказалось невозможным, что вызвало крайнее раздражение в Швеции. Весной 1895 г. шведское правительство заняло жесткую позицию в отношении Норвегии, был создан секретный комитет для подготовки к возможному военному вторжению в страну. В шведском и норвежском обществе царили напряжение и паника¹⁹. Затяжной политический кризис привел к ухудшению экономической обстановки в Норвегии.

В мае 1895 г. шведский риксдаг приступил к обсуждению законопроекта о пересмотре Mellomrikslov. На этот шаг шведские власти подтолкнула совокупность ряда причин, таких как разница в таможенной политике двух стран, давление конкуренции на внутреннем и внешнем рынках, серьезные политические разногласия, рост националистических настроений и разница в национальной идентичности двух народов, общее взаимное недовольство друг другом во многих областях жизни. Последним толчком послужило повышение шведским правительством в конце 1894 г. пошлин на хлеб, так как в Швеции опасались, что норвежцы, используя право беспошлинной торговли, будут ввозить в страну иностранный хлеб и реэкспортировать его в Швецию, тем самым нанося убыток шведскому земледелию. В результате, ссылаясь на ст. 18 конвенции, согласно которой каждая из сторон имела право расторгнуть соглашение по своему усмотрению, риксдаг высказался в пользу прекращения действия договора. Впрочем, действие конвенции сохранялось в течение двух лет после одностороннего ее расторжения. Российский посланник в Швеции-Норвегии писал: «...чем больше шведское правительство проникалось покровительственной системой и возрастала разница в таможенных ставках обоих государств, тем более выяснялась необходимость приступить к выработке нового соглашения на совершенно иных началах»²⁰.

Реакция норвежской общественности на отмену таможенной конвенции была противоречивой. Радикалы использовали ее в качестве аргумента в пользу продолжения борьбы Норвегии за самостоятельность, в том числе в области экономики и торговли, за максимальное отдаление от Швеции во всех сферах двусторонних отношений. Промышленные круги страны выражали обеспокоенность дальнейшей судьбой норвежских товаров на шведском рынке и будущим таможенной политики Соединенных Королевств. Ряд представителей норвежских деловых кругов уже в это время высказывались за увеличение пошлин на ряд импортируемых товаров, несмотря на принятое традиционное следование фритредерским принципам.

В 1896 г. отмена таможенной конвенции вновь всплыла в общественных и политических дебатах Норвегии в контексте ее участия в Стокгольмской художественно-промышленной выставке. Приглашение Швеции принять участие в выставке было встречено норвежскими предпринимателями с большим энтузиазмом. В сжатые сроки нашлось около 300 желающих, образовались объединения, созданные для обеспечения доступа норвежским экспонатам в Стокгольм. Правительство Норвегии вотировало на организацию участия норвежцев сумму в размере 115 000 крон, однако не было поддержано со стороны радикальных депутатов стортинга. Выступая против принятия предложения Швеции, они заявляли, что при отсталости норвежской промышленности появление на выставке норвежских товаров наряду со шведскими создаст невыгодное впечатление о Норвегии. Попытки же сближения со Швецией в промышленном производстве бессмысленны в силу различных направлений экономического

развития двух стран (подразумевался шведский протекционизм и норвежское фритредерство). Отмена действия таможенной конвенции между Соединенными Королевствами была, по их мнению, осуществлена «с нескрываемой целью лишить Норвегию извлекаемых ею из этого соглашения выгод»²¹, хотя еще неизвестно, кому эта акция принесет еще больше убытков. В своей риторике радикальные Венстре увязывали экономические отношения между Швецией и Норвегией с политическими проблемами, существовавшими между ними. В качестве запугивающих примеров были приведены крайне антинорвежские настроения в шведском обществе в минувшем году, военные кредиты риксдага, открыто направленные, по их мнению, против Норвегии. В ответе депутатов стортинга, придерживавшихся более умеренных взглядов, содержалась иная точка зрения, в том числе и на отмену Mellomrikslov. Они верили, что вместо старого соглашения будет заключен новый взаимовыгодный договор, а резкое решение риксдага в 1895 г. было продиктовано ошибочным убеждением, что выгоду от конвенции Норвегия получала в большем объеме, чем Швеция. Свою позицию они объясняли географическими и экономическими причинами: наличием протяженной общей пограничной территории и постоянным развитием и усовершенствованием путей сообщения между двумя странами, которые, несомненно, способствуют развитию торговли между Швецией и Норвегией в будущем. Та же часть депутатов высказалась в защиту предметов норвежского производства, приведя в пример рыболовство, в области которого Норвегия обладала серьезным конкурентным преимуществом. Они настаивали на разведении политических и экономических вопросов и указывали на негативную реакцию норвежских предпринимателей в случае отказа от участия в выставке. «Как отзовется в Норвегии известие, что стортинг отказал в средствах к поощрению предприятия, которое вызвало широкое сочувствие среди норвежских ремесленников, промышленников и торговцев?» В конце концов победа осталась за защитниками правительственного проекта²².

В 1897 г. закончился двухлетний период действия таможенной конвенции после ее отмены риксдагом. В шведском парламенте вновь подняли вопрос о завершении соглашения между Соединенными Королевствами. В связи с тем, что переговоры с Норвегией о заключении нового договора не имели успеха, парламент приступил к обсуждению последствий отмены акта для Швеции. Хотя еще в марте 1897 г. между норвежскими и шведскими бизнесменами были достигнуты соглашения по пересмотру положений таможенной конвенции (переговоры длились с 15 по 24 марта), король и шведский кабинет отказались представить его риксдагу²³. Сторонники сохранения таможенной конвенции аргументировали свою позицию тем, что вследствие отмены Mellomrikslov неизбежно пострадают отдельные отрасли шведской промышленности в связи с тем, что норвежцы установят в ответ высокие ввозные тарифы. «Отмена соглашения произведет переворот в торговых отношениях на Скандинавском полуострове и впоследствии труднее будет, чем теперь, войти с Норвегией

в новое соглашение»²⁴. Другим аргументом было то, что ликвидация договора имела и политическую окраску, так как она могла послужить орудием для усиления антишведской агитации норвежских радикалов. Протекционисты, в свою очередь, возражали, что вряд ли Норвегия пойдет на перезаключение соглашения, если до сих пор ничего не предпринимала в этом направлении. Твердость же шведской позиции может, наоборот, приструнить строптивых норвежцев. Они говорили: «Более вероятно, что, убедившись в твердой решимости Швеции ни под каким видом не поступаться своими законными интересами, норвежцы скорее согласятся отказаться от некоторых выгод, обеспеченных за ними соглашением 1890 г., но безусловно вредных для шведской промышленности»²⁵. Последняя точка зрения одержала верх в риксдаге. Первая палата, наиболее консервативная, потребовала отмены акта без голосования, во второй палате развернулись прения, в результате которых 106 голосов были отданы за отмену, 100 против, правительство занимало пассивную позицию в этом вопросе. Согласно принятому решению, *Mellomrikslov* должен был быть отменен в конце июня 1897 г. (отмена произошла 12 июля 1897 г.). В Норвегии многие представители промышленных кругов отнеслись к «таможенной войне», как ее назвал российский посланник в Стокгольме И. А. Зиновьев, с большой тревогой, за исключением радикальных органов печати, откровенно приветствовавших решение риксдага. С ликвидацией договора, по их мнению, скандинавский рынок получил большую привлекательность в глазах иностранных фирм, особенно германских, рассчитывавших на увеличение сбыта своей продукции, вследствие чего ожидался рост сбыта иностранной продукции на норвежском рынке²⁶. Норвежские исследователи отмечают, что, в отличие от 1870–1880-х гг., таможенная конвенция рассматривалась уже как политическая, а не экономическая проблема²⁷.

За отменой *Mellomrikslov* последовало принятие ряда законодательных мер. Норвежские суда во всех отношениях приравнивались к шведским; за норвежской торговлей сохранялось право наиболее благоприятствуемой нации; путешественникам, следующим из Норвегии в Швецию, разрешалось беспошлинно провозить через границу небольшое количество товаров. Все эти уступки действовали до 15 мая н. ст. 1898 г., после чего подлежали пересмотру. Ряд депутатов риксдага при рассмотрении вышеуказанных законопроектов предлагали отменить их, если Норвегия не предоставит Швеции права наиболее благоприятствуемой нации, но не были поддержаны большинством парламента. Российский дипломатический представитель писал: «...в Швеции рассчитывают, что норвежцы оценят умеренность риксдага»²⁸. С точки зрения шведского историка Линдгрена, отмена таможенной конвенции, связывающей Соединенные Королевства в экономическом отношении, подорвала основу и самого политического союза двух стран²⁹. Идея автора не лишена оснований. Таможенные союзы являются отправной точкой для формирования новых государственных образований, примером чему может служить таможенный союз германских

государств, положивший основу созданию Германской империи, или же способствуют сохранению и устойчивому развитию уже существующих государств, по примеру Соединенных Королевств Швеции и Норвегии. Идея краха политической унии после отмены конвенции была высказана еще Ф. Хагерупом, сторонником норвежской консервативной партии. Торгово-промышленная буржуазия, составлявшая значительную часть электората консерваторов, рассматривала правовое существование унии как экономическую основу для процветания бизнеса³⁰.

Вследствие отмены Mellomrikslov и потребности в защите собственной промышленности от иностранной конкуренции в Норвегии были разработаны два проекта: один — парламентской тарифной комиссией, другой — норвежским кабинетом, в которых общим было намерение повысить импортные пошлины. Различия заключались в способе применения новых норм. В июне 1897 г. в стортинге разгорелись жаркие споры вокруг этих проектов. Первый из них предполагал введение дифференцированной тарифной сетки с максимальными и минимальными ставками. Последние применялись к государствам, с которыми Норвегия была связана торговыми соглашениями, соответственно, максимальными тарифами облагалась продукция стран, не заключивших с норвежским королевством коммерческих договоров. Максимальными пошлинами облагались: Дания, Россия, Пруссия при условии ввоза товаров непосредственно из этих стран не на национальных судах или не на шведских или норвежских. В промежуточную категорию попадали: Сербия, Румыния, Германская империя, за исключением Пруссии, Бремена, Гамбурга, Ольденбурга, Макленбурга-Шверина. И, наконец, минимальные пошлины налагались на шведские товары, ввозимые в Норвегию после 12 июля 1897 г. Министерский проект же предполагал введение общего умеренного тарифа без специальной дифференциации и разрешение вовсе беспошлинного ввоза небольшого количества шведских товаров через шведско-норвежскую границу, отмену корабельного сбора в норвежских портах в размере 50 эрё с тонны. По подсчетам правительства, таможенный доход государства в таком случае должен был вырасти на 3 $\frac{3}{4}$ млн крон и составить в 1898 г. около 29,5 млн крон³¹. Отмена таможенной конвенции нанесла серьезный удар по норвежской текстильной промышленности, ряд предприятий был вынужден закрыться. Такая ситуация сохранялась вплоть до 1905 г., когда был принят новый таможенный тариф, который вводил умеренную пошлину³².

Проект парламентской комиссии вызвал протест в части норвежского общества. Так, газета *Morgenbladet* подчеркивала, что, несмотря на отсутствие юридических соглашений Норвегии с Данией, Пруссией и Россией, норвежские товары пользуются правом наиболее благоприятствуемой нации в этих странах. Если Норвегия со своей стороны поднимет тарифные ставки, то в ответ вышеуказанные государства ответят равнозначными мерами, что нанесет удар прежде всего по норвежской экономике. «Существующее как в России,

так и Пруссии таможенное законодательство до такой степени тесно связано с их внутренними и внешними интересами, — писала газета, — что никак не ради удовлетворения норвежских притязаний державы эти согласятся изменить их...»³³ Оба проекта в дальнейшем были переданы на рассмотрение таможенного комитета, ни один из членов которого ни принадлежал к партии крайних протекционистов³⁴.

Подводя итоги, можно сказать, что отмена таможенной конвенции в 1895 г. в большей степени напоминает политическую акцию, нежели взвешенное решение накопившихся экономических противоречий между Швецией и Норвегией. Историк К. Лунд тесно увязывает изменения в таможенном обложении с политической жизнью государства и отмечает, что отмена конвенции стала важным шагом на пути к распаду шведско-норвежской унии³⁵. Схожей точки зрения придерживается и Ф. Сейерстад³⁶. Шведский историк О. Кранц признает, что с отменой таможенной конвенции наиболее сильно пострадала торговля текстильными изделиями. Однако, с точки зрения роста шведской экономики, он находит, что расторжение соглашения оказало незначительное влияние, более того, по его мнению, сложно выявить серьезное влияние шведско-норвежской унии на экономическое развитие Швеции в целом³⁷. Рассматривая экономический аспект отмены Mellomrikslov, нельзя не признать, что к 1895 г. существенные различия в таможенной политике Швеции и Норвегии требовали серьезного пересмотра существующих на тот момент договоренностей, однако на фоне политического кризиса, развернувшегося между двумя государствами в 1890-е гг., эта акция получила иное звучание и использовалась в том числе как средство давления и угроз оппоненту.

¹ *Sejested F.* Den svensk-norske unionens betydning for den økonomiske utvikling, spesielt i Norge // Dialog Norge-Sverige. Fra arvefiende til samboer. Oslo, 1990. S. 58.

² *Danielsen R.* Den norske oppfatning av unionen // Om den svensk-norska unionen. Aktuell om historia. 3–4. Göteborg, 1989. S. 28.

³ *Sejested F.* Den svensk-norske unionens betydning for den økonomiske utvikling, spesielt i Norge // Om den svensk-norska unionen. Aktuell om historia. 3–4. S. 33.

⁴ *Ibid.* S. 34.

⁵ *Sejested F.* Den svensk-norske unionens betydning // Dialog Norge-Sverige. Fra arvefiende til samboer. S. 61–62.

⁶ *Kaartvedt A.* Unionens virkninger på norsk politikk // Om den svensk-norska unionen. Aktuell om historia. 3–4. S. 54.

⁷ *Ibid.* S. 55.

⁸ *Ibid.* S. 56.

⁹ *Grieg S.* Fra Opstadrev til Automatstol // Volund. Selskapet Norsk Teknisk Museums tidsskrift. Oslo, 1958. S. 57–59.

¹⁰ *Grieg S.* Fra Opstadrev til Automatstol. S. 60–62; *Melbye O.* Norsk toll gjennom tusen år. Glimt fra etatens historie og Tollmuseets samlinger. Oslo, 1967. S. 34–35.

- ¹¹ Lund C. Det Norske Tollvesens historie. Fra 1814 til 1940. Oslo, 1977. S. 72.
- ¹² Ibid S. 73.
- ¹³ Ibid. S. 85–88.
- ¹⁴ Kaartvedt A. Unionens virkninger på norsk politikk. S. 56.
- ¹⁵ Садова Л. А. Закон о новом норвежском коммерческом флаге 1899 г. как политическая акция (по донесениям российских дипломатов) // Петербургский исторический журнал. 2021. № 3 (31). С. 76–86.
- ¹⁶ Danielsen R. Den norske oppfatning av unionen. S. 34.
- ¹⁷ Архив внешней политики Российской империи (далее — АВПРИ). Ф. 133. Оп. 470. Д. 91. Л. 27.
- ¹⁸ Там же. Л. 25 — 27 об.
- ¹⁹ См подробнее: Садова Л. А. Обострение шведско-норвежского конфликта в 1895 г. По документам российских дипломатов // Новая и новейшая история. 2021. Т. 65. № 5. 2021. С. 165–179; Eike Ø. “Et uklart produkt af frykt og politisk intrige”. De unionelle forhandlinger 1895–98. Hovedoppgave. Oslo, 2001. S. 17; Holmen E. Sveriges rett til Norge. Förbundet Sveriges rätt og Svenska nationalföreningen. To svenske nasjonale foreninger og deres unionssyn 1893–1904. Hovedoppgave. Oslo, 2004. S. 15.
- ²⁰ АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. Д. 103. Л. 66–67.
- ²¹ Там же. Д. 161. Л. 65 об.
- ²² Там же. Л. 64 — 66 об.
- ²³ Lindgren E. R. Norway-Sweden: union, disunion and Scandinavian integration. Princeton, 1959. P. 38–39; Grieg S. Fra Opstadrev til Automatstol. S. 65.
- ²⁴ АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. Д. 161. Л. 64.
- ²⁵ Там же. Д. 109. Л. 65 об.
- ²⁶ Там же. Л. 63 — 66 об.
- ²⁷ Grieg S. Fra Opstadrev til Automatstol. S. 64.
- ²⁸ Ibid. S. 90.
- ²⁹ Lindgren E. R. Norway-Sweden: union, disunion and Scandinavian integration. P. 38–39.
- ³⁰ Kaartvedt A. Unionens virkninger på norsk politikk. S. 21.
- ³¹ АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. Д. 109. Л. 104 — 105 об.
- ³² Grieg S. Fra Opstadrev til Automatstol. S. 65.
- ³³ АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. Д. 109. Л. 106 об.; Lund C. Det Norske Tollvesens historie. S. 96–98.
- ³⁴ АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. Д. 109. Л. 103–107.
- ³⁵ Lund C. Det Norske Tollvesens historie. S. 94.
- ³⁶ Sejersted F. Den svensk-norske unionens betydning for den økonomiske utvikling, spesielt i Norge. S. 29.
- ³⁷ Krantz O. Den svensk-norska unionens betydelse för Sveriges ekonomiska utveckling // Om den svensk-norska unionen. Aktuellt om historia. 3–4. Göteborg, 1989. S. 51.

References

- DANIELSEN R. *Den norske oppfatning av unionen* // Om den svensk-norska unionen. Aktuellt om historia. 3–4. Göteborg, 1989.
- EIKE Ø. “*Et uklart produkt af frykt og politisk intrige*”. *De unionelle forhandlinger 1895–98. Hovedoppgave*. Oslo, 2001.
- GRIEG S. *Fra Opstadrev til Automatstol* // Volund. Selskapet Norsk Teknisk Museums tidsskrift. Oslo, 1958.
- KRANTZ O. *Den svensk-norska unionens betydelse för Sveriges ekonomiska utveckling* // Om den svensk-norska unionen. Aktuellt om historia. 3–4. Göteborg, 1989.
- KAARTVEDT A. *Unionens virkninger på norsk politikk* // Om den svensk-norska unionen. Aktuellt om historia. 3–4. Göteborg, 1989.

- LINDGREN E. R. *Norway-Sweden: union, disunion and Scandinavian integration*. Princeton, 1959
- LUND C. *Det Norske Tollvesens historie. Fra 1814 til 1940*. Oslo, 1977.
- MELBYE O. *Norsk toll gjennom tusen år. Glimt fra etatens historie og Tollmuseets samlinger*. Oslo, 1967.
- SEJESTED F. *Den svensk-norske unionens betydning for den økonomiske utvikling, spesielt i Norge // Dialog Norge-Sverige. Fra arvefiende til samboer*. Oslo, 1990.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Л. А. Садова. Отмена «Таможенной конвенции» (Mellomrikslov) в 1895 г.: восприятие современников и влияние на шведско-норвежскую унию // Петербургский исторический журнал. 2023. № 1. С. 115–127

Аннотация: В статье исследуется вопрос о степени влияния отмены «Таможенной конвенции» в 1895 г. на шведско-норвежские отношения, а также о степени вовлеченности экономических вопросов в целом в политическую борьбу между двумя странами. Основной задачей исследования является попытка ответить на вопрос — было ли расторжение конвенции политической акцией или имело экономическую целесообразность. В качестве основных источников были использованы донесения российских дипломатических представителей в Швеции-Норвегии в 1890-е гг. из Архива внешней политики Российской империи. Норвежская историография не высказывает однозначного мнения по данному вопросу. Конвенция была отменена в одностороннем порядке шведским риксдагом в 1895 г. на фоне кризисной ситуации в шведско-норвежских отношениях, и данный акт активно использовался в качестве политического рычага в противостоянии Швеции и Норвегии. В целом можно сказать, что экономическая подоплека расторжения соглашения в эмоциональной буре терялась и приобретала политическое звучание, влетаясь в этом отношении в различные спорные вопросы шведско-норвежских отношений.

Ключевые слова: Шведско-норвежская уния, Mellomrikslov, экономические и торговые отношения между Швецией и Норвегией в 1890-е гг., таможенные тарифы.

FOR CITATION

L. Sadova. The abolition of the “Customs Convention” (Mellomrikslov) in 1895: the perception of contemporaries and the impact on the Swedish-Norwegian union // Petersburg historical journal, no. 1, 2023, pp. 115–127

Abstract: The article examines the question of the degree of influence of the abolition of the “Customs Convention” in 1895 on Swedish-Norwegian relations, as well as the degree of involvement of economic issues in the political struggle between the two countries. The main objective of the study is to try to answer the question — whether the termination of the convention was a political action or had economic expediency. The reports of Russian diplomatic representatives in Sweden-Norway in the 1890s from the Archive of the Foreign Policy of the Russian Empire were used as the main sources. Norwegian historiography does not express an unambiguous opinion on this issue. The Convention was cancelled unilaterally by the Swedish Riksdag in 1895 against the background of the crisis situation in Swedish-Norwegian relations and this act was actively used as a political lever in the confrontation between Sweden and Norway. In general, we can say that the economic background of the termination of the agreement was lost in an emotional storm and acquired a political sound, intertwining in this regard into various controversial issues of Swedish-Norwegian relations.

Key words: Swedish-Norwegian Union, Mellomrikslov, economic and trade relations between Norway and Sweden in 1890s, customs tariffs.

Автор: Садова, Людмила — младший научный сотрудник Института всеобщей истории РАН.

Author: Sadova, L. — Junior research fellow, Institute of World History, Russian Academy of Sciences.

E-mail: taidula@mail.ru